

Василий СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
лауреат Ленинской премии

ПЕСНИ, РОЖДЕННЫЕ В ОУРЕ

Война застала меня на Карельском перешейке: я работал в Доме творчества композиторов. 22 июня И. Дзержинский, Л. Ходжа-Эйнатова и я поехали на машине в Ленинград: на Островах, в Центральном парке культуры и отдыха имени С. М. Кирова, должен был состояться вечер советской песни с нашим участием. О нападении фашистов мы ничего не знали: только что открытый Дом творчества не успели радиофицировать. По дороге встретился старый крестьянин, сказал что-то о войне. Мы не поверили. Но постепенно стало обращать на себя внимание усиленное движение воинских колонн к границе. Когда доехали до Сестрорецка, узнали: правда.

С этого дня вся моя жизнь пошла по-другому. Добровольцем в армию меня не взяли. Тогда я пошел в радиокомитет: чем могу, хочу служить фронту. С первых дней войны начали ежедневно передаваться вечерние выпуски ленинградской «Радиохроники». В конце каждого из них вслед за сводками и корреспонденциями с фронтов звучали новые стихи и песни. Музыку к ним писали два композитора — Л. Ходжа-Эйнатова и я. Музыку самую разнообразную — героическую, лирическую, сатирическую, песни, частушки, куплеты.

Все задуманные или начатые работы отложил в сторону: надо было создавать то, что хотели слышать бойцы, уходившие на фронт, армия, народ, поднимавшийся на защиту свободы. Дни становились похожими один на другой. Два-три утренних часа посвящались творчеству, остальное время — показу песен, их разучиванию, встречам с поэтами, сбору материалов для новых работ. За день новая песня путешествовала по четырем разным местам — разучивалась в радиокомитете, обсуждалась в Союзе композиторов, репетировалась в Ансамбле песни и пляски Военно-Морского Флота, попадала в Музгиз, который быстро размножал ее и отправлял в воинские части и на корабли. Трудиться приходилось напряженно, для сна оставалось совсем немного времени. А ведь еще приходилось дежурить на чердаках, рыть противотанковые рвы, сооружать надолбы на подступах к городу. Так работали тогда все ленинградские композиторы, с которыми мне приходилось встречаться, — Д. Шостакович, И. Дзержинский, О. Евлахов, В. Желобинский, Н. Ган, Г. Носов, Д. Прицкер, В. Щербачев и погибшие потом на фронте В. Тамилин, В. Фризе...

События развивались стремительно, каждый день вносил в них много нового, и большая часть написанного тогда — куплеты-однодневки, нечто вроде музыкальных «Огон ТАССа». И все же в первые два месяца войны я написал четыре песни (приблизительно десятая часть из написанного в тот период), которые живут до сих пор.

Поэтесса Л. Давидович принесла мне слова, и я тут же написал музыку лирической песни «Играй, мой баян». Утром 24 июня принес ее в радиокомитет, а вечером она уже звучала из городских репродукторов. И с этого дня ее транслировали ежедневно. Перед войной очень популярна была песня «Тучи над городом встали», которую спел с экрана Марк Бернес. «Играй, мой баян» в каком-то смысле пришла ей на смену. Они близки по форме, но новая песня рассказывала о событиях сегодняшнего дня. Ее исполнил первым Александр Борисов, друг моего детства. Навсегда она образом молодого заводского парня, уходившего на защиту Родины. «Как подругу, мы Родину любим свою...» — пел этот парень.

«Песню смелых» я написал на слова Алексея Суркова, стихотворение которого прочитал в газете. Помните строки оттуда?

Песня — крылатая птица —
Смелых сближает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

До войны с поэтом-песенником Александром Чуркиным мы создали песню «Мой конь буланый», которую исполнял Л. О. Утесов. Чуркин предложил продолжить «казацкую» традицию, и мы очень быстро написали песню «Встреча Буденного с казаками». В августе в Ленинграде был издан первый сборник оборонных песен, в который вошли и сочиненные мною «Песня смелых» и «Комсомольская военная».

Первого сентября, когда уже сомкнулось кольцо блокады, политическое управление Балтийского флота подписало в печать сборник «Песни краснознаменной Балтики», в котором были напечатаны «Играй, мой баян», «Песня смелых» и «Встреча Буденного с казаками». Радостно было сознавать, что наши песни становились оружием.

Впечатления первых дней героической обороны Ленинграда вызвали и

жизни «Вечер на рейде». Как-то в августе вместе с другими композиторами, музыкантами, литераторами я работал в ленинградском порту: мы растаскивали бревна, убирали территорию, чтобы уменьшить опасность пожара от зажигательных бомб. Был чудесный летний вечер, какие бывают, мне кажется, только у нас, на Балтике. Невдалеке на рейде стоял какой-то корабль, с него доносились звуки баяна и тихая песня. Мы как раз кончили работу и долго слушали, как поют моряки. Спокойный плеск воды, отдаленное пение — все это навевало светлые, но чуть грустные мысли.

У меня возникла идея написать песню об этом чудесном тихом вечере, неожиданно выпавшем на долю людей, которым завтра, может быть, предстояло идти в опасный поход, в бой. Из порта я возвращался с А. Чуркиным и поделился с ним этим замыслом. Вернувшись к себе, я сел за работу. Текста еще не было. Начало припева — «Прощай, любимый город» — я придумал сам и, отталкиваясь от него, стал писать музыку. Через два дня она была готова, а Саша Чуркин нашел для нее простые и сильные слова, полные светлой грусти.

Должен признаться, не сразу решился я пустить песню странствовать по свету. Когда сыграл ее своим друзьям, они забраковали ее. Она показалась слишком спокойной, «тихой», не подходящей для грозной военной поры.

Второе рождение песни получила в начале 1942 года на Калининском фронте. В феврале я спел ее бойцам в солдатской землянке под Ржевом, недалеке от передовой. Со второго куплета бойцы начали подпевать, и слезы навернулись на мои глаза. Я почувствовал, что песня дошла до сердца и имеет право на жизнь. Оставшуюся программу отменили — бойцы попросили разучить с ними «Вечер на рейде». Только после этого я отдал песню в печать.

Куда бы мы ни приезжали на фронте, всюду эта песня опережала нас. Мы начинали свой концерт на новом месте, а нам уже кричали:

— «Вечер на рейде!» «Вечер на рейде!»

И когда я растягивал межи аккордеона и начинал петь, слушатели сразу же поддерживали меня.

В чем же тут было дело?

В том, я думаю, что в тяжкую годину нужны были не только суровые, мужественные песни. У солдат с первых и до последних дней войны было стремление не только к героике, но и к лирике, они хотели и погрузиться, и вспомнить свой дом, и помечтать. Люди особенно нуждались в теплоте и искренности чувств.

«Вечер на рейде» бойцы пели в землянках и траншеях, на привалах и в походах. Песню размножали в листовках. «Прощай, любимый город, уходим завтра в горы», — пели пехотинцы. «Прощай, любимый город, уходим завтра в горы», — пели партизаны Крыма. А партизаны Ленинградской области пели так:

Споете, друзья, про битвы свои
В отряде лихих партизан.
Про прошлую жизнь и про схватки, бои...
Играй веселее, баян!

Уже после войны я узнал, что «Вечер на рейде» был распространен в листовках в осажденном Севастополе и даже дошел до партизанских отрядов в Италии.

За военные годы я написал больше шестидесяти песен. Первые — всегда самые дорогие. Они были написаны в Ленинграде в дни его героической обороны.

Прямо из заводских цехов боевые машины уходили на передовую. Тыл был фронтом...

Художник А. УШИН